

А.П. Заостровцев

к.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург),
ст. науч. сотрудник, МЦСЭИ «Леонтьевский Центр»
(Санкт-Петербург)

КРАХ ЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ И ВЫЗОВ «РУССКОЙ МАТРИЦЫ»¹

Аннотация. В статье рассматривается концептуальная и фактическая несостоятельность либеральной модернизации в современную эпоху. Транзитология, столь влиятельная в 1990-е гг., ушла в небытие. Западная модель не привилась во многих постсоциалистических странах. По критериям демократизации разрыв между Россией и принявшими эту модель странами стал радикальным. При этом Запад стал терять качества, присущие классическому либерализму. Они вытесняются новыми институтами, которые призваны разрушить верховенство права и, в целом, его культурную идентичность. На фоне этого упадка в XXI в. стал вырисовываться новый облик системы традиционных русских фундаментальных институтов, называемый «Русской матрицей». Посредством этих институтов Россия как локальная форма глобальной силовой цивилизации бросила вызов альтернативной форме последней — правовой. В результате возобладали ключевая составляющая этой матрицы, которая задаёт её целевую функцию, — институциональный экспансионизм. Выполнению мессианской задачи подчинены прочие её составляющие: власть–собственность и сословно–рентный социальный порядок. Многолетние опросы общественного мнения в России убедительно показывают, что легитимность общественной системы высока, так как каждая попытка практического выполнения этой задачи, например через поддержку Русского мира, рождает устойчивую и длительную поддержку в форме признания, что страна идёт по правильному пути.

Ключевые слова: либеральная модернизация, транзитология, институты, цивилизации, Запад, «Русская матрица», мессианство, институциональный экспансионизм, легитимность.

JEL: N00, O10, O43

УДК: 330.341, 316.012

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_26_45

© А.П. Заостровцев, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Заостровцев А.П. Крах либеральной модернизации и вызов «русской матрицы» // Вопросы теоретической экономики. 2026. №2. С. 26–45. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_26_45.

FOR CITATION: Zaostrovtssev A. The Collapse of Liberal Modernization and the Challenge of «Russian Matrix» // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 2. Pp. 26–45. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_26_45.

¹ Мнение части членов редколлегии может не совпадать с мнениями авторов работ, публикуемых журналом «Вопросы теоретической экономики».

Введение

В настоящее время мир переживает радикальную смену картины, которая сложилась после Второй мировой войны и в последнее десятилетие XX в. В XXI в. наблюдается конец «конца истории» и некогда общепризнанных теорий глобального развития. В 1990-е гг. концепция либеральной модернизации переживала мощный и, как вскоре оказалось, последний взлёт популярности. Она приняла тогда имя транзитологии.

Следует заметить, что первые «транзитологи» не соотносили изучаемые переходные процессы с переходом от тоталитарного социалистического строя к рыночной демократии, поскольку таковой начался несколькими годами позже, чем вышла известная книга Г. О’Донелла и Ф. Шмиттера [*O’Donnell, Schmitter, 1986*]. Эти авторы рассматривали переход от автократий к демократиям, не затрагивая стран социалистического лагеря. Более того, один из авторов много лет спустя в качестве основоположника транзитологии назвал Н. Макиавелли, который описывал обратный переход: от республиканского способа правления к княжескому [*Шмиттер, 2013*]. В СССР, как известно, переходный период ассоциировался с новой экономической политикой 1920-х гг. практически с самого начала её введения. Что же касается современной транзитологии, то тот же Шмиттер писал о ней весьма скептически, как о новой и, вероятно, *мнимой науке*, которая претендует на то, чтобы объяснить и предположительно указать пути перехода от одного режима к другому или, в контексте сегодняшнего дня, от некой формы автократии к некой форме демократии [Там же].

Однако развернувшаяся в 90-е гг. прошлого века транзитология подразумевала далеко не только политическую трансформацию. Европейский банк реконструкции и развития с 1994 г. стал издавать специальные доклады, которые так и назывались — *Transition Report*. В одном из первых выпусков подчёркивалось, что представленный доклад сфокусирован на прогрессе, который достигается 25 странами в их переходе от централизованного планирования к открытой рыночно ориентированной экономике. Поэтому в нём особо подчёркивается роль частного предпринимательства [*Transition Report, 1994. P. III*]. Таким образом, переходное общество предполагало не только переход от авторитаризма к демократии, но и от командной экономики к рыночной. Эти две составляющие перехода и определяют во многом содержание модернизации.

Проблема в том, что ныне не только ряд бывших социалистических стран демонстрируют движение в обратном направлении. Развитые демократии, которые обычно отождествлялись с Западной цивилизацией, входят в кризисную стадию¹. Можно говорить и об их тенденции к самоликвидации². Они размывают собственные идейные ценности и институциональные основы, замещают коренное население пришельцами с низкой культурой и агрессивным поведением. В результате образчик и конечная цель движения для тех стран, которые именовались переходными (постсоциалистическими), во многом утрачиваются. Старые «маяки» гаснут и перестают быть ориентирами.

Одновременно с этим Россия, свернув с тропы вестернизации, бросает вызов Западу. Её внутренняя институциональная несовместимость с ним дала о себе знать после 12–15 лет активных попыток внедрения ряда западных норм. Это обусловлено системообразующими

¹ Для того, чтобы в этом убедиться достаточно просмотреть заглавия изданных за последние годы ряда книг о судьбах демократии известных в академической среде авторов [*Democracy in Decline?*, 2016; *Eatwell, Goodwin, 2018; Holmes, Krastev, 2019; Levitsky, Ziblatt, 2018; Luce, 2017; Mair, 2013; Przeworski, 2019; Wolf, 2023*]. Что бы авторы конкретно не вкладывали в своё представление о кризисе демократии, общая тенденция налицо.

² «Германия: самоликвидация» — нашумевшая в своё время книга Т. Саррацина [*Саррацин, 2012*].

качествами её фундаментальных институтов («Русской матрицей»)³. После прохождения определённого порога насыщения чуждыми элементами наступает период их отторжения. В статье предстоит раскрыть, что лежит в основе этого процесса. Как ценность исторической миссии, представленной Россией локальной цивилизации, выстраивает под её нужды целостный институциональный механизм, который за относительно короткий период модифицировался и ожил после исторического провала советской модели коммунизма. И который оказался в итоге антиподом классического западного правового порядка.

Что такое либеральная модернизация?

Для начала нужно определить, что такое модернизация как таковая? Экономисты не так часто пользуются этим термином⁴. Его корни — в исторической социологии. В работе Э. Гидденса и Ф. Саттона «Основные понятия в социологии» разбираются два понятия: модерн и постмодерн. Для начала они обращают внимание на временные рамки модерна: это период, длившийся с середины XVIII в. (начала эпохи Просвещения в Европе) до середины 1980-х гг. Характеризуется он секуляризацией, рационализацией, демократизацией, индивидуализацией и подъёмом науки [Гидденс, Саттон, 2021. С. 24]. Отсюда можно заключить, что модернизация описывается всеми этими пятью процессами. В то же время авторы пишут, что «поскольку понятие “модерн” включает несколько ключевых социальных процессов, оно остаётся расплывчатым и является скорее описательным, нежели аналитическим» [Там же. С. 26].

Первое время социологи исходили из того, что все нации войдут в модерн. В России такой классической точки зрения придерживается известный исследователь модернизации Д. Травин. Ему принадлежит метафора о реках и океане. Каким бы ни был извилистым путь реки (отдельной страны), но, в конечном счёте, она всё равно впадёт в океан (мир модерна) [Травин, 2018. С. 103–104]. Ранее модернизация трактовалась им как нечто, что свершится раньше или позже, но в обязательном порядке [Травин, Маргания, 2004. С. 26–27].

Как мы уже знаем, эпоха модерна продлилась до середины 1980-х гг. А что потом? Наступила эпоха постмодерна. Обратимся снова к Гидденсу и Саттону. Видно, что для них определение её представляет ещё большие трудности, чем модерна. В принципе, что нужно подчеркнуть: в постмодерне ушла идея непрерывности и линейности прогресса. Заодно вокруг науки развился скепсис, при этом второе непосредственно связано с первым [Гидденс, Саттон, 2021. С. 34–35]. Как в надёжную предсказательницу будущего пути в науку люди перестали верить. Понятие «постмодерн» представляется ещё менее операциональным, чем модерн. Однако рациональная основа для обозначения конца модернизации есть. Это, как будет показано далее, некая точка перелома, за временными рамками которой начинается контрмодернизация: когда давно вошедшие в период модерна страны начинают подрывать те институты, на которых строился их прогресс и процветание. Стартует обратный отсчёт.

Пока же вернёмся к модернизации. Концепцию множества модернов связывают с именем израильского социолога Ш. Эйзенштадта. В сущности, именно она позволила принять разные модели модернизации. В том числе советскую, которую анализирует другой

³ Матрица — «это устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер — экономической, политической, идеологической» [Кирдина, 2014. С. 67]. «Матрица выступает как устойчивая, исторически сложившаяся взаимосвязанно функционирующая совокупность базовых институтов конкретно-исторических обществ, специфических в каждой из цивилизаций» [Россия как цивилизация..., 2015. С. 19].

⁴ Тем не менее в России Высшая школа экономики долгое время проводила Международные апрельские конференции под общим названием «Модернизация России». Были выпущены две книги — сборники докладов на этих конференциях [Ясин, 2009]. В том же, 2009 г., Центр исследований постиндустриального общества тоже издал два сборника статей, посвящённых модернизации России [Модернизация России..., 2009].

социолог — Й. Арнасон. Подробно об этом пишет в своём исследовании М. Масловский [Масловский, 2025а]. Это теория множественности сделала возможным отделить модернизацию от вестернизации. Не всякая модернизация есть таковая (иначе говоря, либеральная модернизация). Автор статьи в этой связи в своей монографии выделил нелиберальную или адаптивную модернизацию. Она предполагает заимствование у Запада тех характеристик модернизационного процесса, которые не превращают страну в часть западной, или правовой, цивилизации, однако при этом позволяют более-менее успешно догонять её в ряде составляющих материально-технической базы и организации производства [Заостровцев, 2020. С. 147–153].

В этой связи необходимо рассмотреть основные характеристики модернизации, держа в уме задачу выяснения, какие из них превращают её в вестернизацию, а какие — нет. Это позволит увидеть, имеет ли место крах либеральной модернизации. В первую очередь, нас будут интересовать те страны, где она начиналась, но не завершилась, поскольку на определённом временном отрезке произошёл отказ от принятия либеральных норм. Во вторую очередь, крах либеральной модернизации можно рассматривать как крах её конечной цели. Страны, которые были в авангарде модернизации, казалось бы, давно завершили её и вошли в постмодерн, начали утрачивать ранее обретенные характеристики классического либерализма и усваивать противоположные качества, которые всегда отличали и отличают страны альтернативной им силовой цивилизации⁵.

Выше, со ссылкой на Гидденса и Саттона, были приведены основные характеристики модернизации (модерна). Посмотрим, что можно найти на этот счёт у других видных авторов. Р. Коллинз обозначает следующие её отличительные черты: бюрократизация⁶, секуляризация, капиталистическая индустриализация и демократизация [Коллинз, 2015. С. 264–293]. В книге Д. Травина речь идёт о таких вещах, как устойчивая рыночная экономика, формирование гражданского общества и демократии, мобильное общество в географическом и социальном смысле, способность среднего человека адаптироваться к новым условиям, возрастание рациональности (принятие решений на основе полученных выводов, а не инерции традиционных представлений) [Травин, 2019. С. 18–19].

Если обратиться к концепции модернизации К. Вельцеля и Р. Инглхарта, которую они сами называют «пересмотренной» (revised), то увидим, что она представлена в двух измерениях. Во-первых, это традиционные ценности / секулярно-рациональные ценности, во-вторых — ценности выживания / ценности самовыражения. Модернизация происходит по мере вытеснения первых вторыми [Инглхарт, Вельцель, 2011]. В последовавшей вслед за этим монографии Инглхарт находит удивительно сильную корреляцию (0,90) между ценностями самовыражения и демократией и в результате приходит к выводу, что «ценности самовыражения намного сильнее связаны с демократическими институтами, чем просто прямое одобрение демократии» [Инглхарт, 2018. С. 172–173].

Попытаемся на основе всех этих описаний модернизации выявить, какие из принадлежащих ей характеристик делают её либеральной модернизацией (Коллинз называл её демократической модернизацией [Коллинз, 2015. С. 259]) или вестернизацией? Может быть это рыночная экономика? Однако модели рыночной экономики могут быть разными

⁵ Я выделяю два глобальных типа цивилизации: правовую, основанную на самопринадлежности человека (праве собственности на самого себя) и защищающими её принципами и институтами верховенства права, и силовую, лишаящую человека таковой за счёт экспроприации суверенитета личности государством и подчинения её произвольным требованиям с его стороны. В реальности нахождение на том или ином полюсе случается довольно редко; в большинстве случаев наблюдаются гибридные состояния. В рамках такой глобальной двоичной классификации можно выделять локальные цивилизации, принадлежащие к тому или иному глобальному типу. Например, можно различать США как особую модель правовой цивилизации, а Китай, соответственно, силовой.

⁶ Бюрократизация трактуется Коллинзом как альтернатива патриархальной семье с её отношениями господства — подчинения и, главное, сословному разделению в обществе [Коллинз, 2015. С. 267–276].

[Яковлев, 2021]. Даже такой её тип, как SPME (State-Permeated Market Economies), или «рыночные экономики, проникнутые государством» считаются, пусть и с большими оговорками, всё-таки рыночными. Экономика перестаёт быть рыночной, когда появляется тотальный дефицит на основе замены ценового механизма распределения ресурсов, товаров и услуг административными распоряжениями. На основании этого критерия можно утверждать, что и китайская, и российская экономика на текущий момент являются всё ещё рыночными, несмотря на мощный государственный пресс. Так что всё-таки не здесь надо искать принципиальное отличие адаптивной модернизации от либеральной.

Другая характеристика — это демократия. Вот тут как раз и можно заметить разрыв между этими видами модернизации. Адаптивная модернизация — это модернизация без демократии, понимаемой как единство компонент в её широком определении⁷. Естественно, либеральная модернизация, напротив, органически включает её в себя. На базе широких определений демократии формируются индексы демократии, дающие не только качественные, но и количественные оценки её состояния.

Сумерки либеральной модернизации

Если обратиться к индексам, используемым в V-Dem проекте, то они позволяют оценить состояние демократии во многих странах с начала XX в. В статье руководителя этого проекта — С.И. Линдберга — построенный график позволяет видеть три волны демократизации (по Хантингтону) и три обратных волны, начиная с 1900 г. и до наших дней. Что касается последнего отката, то его иллюстрирует динамика изменений соотношения числа демократизирующихся и автократизирующихся стран, резко изменившаяся в пользу вторых. При этом третья волна автократизации — вторая по длительности в истории этого волнового процесса, и у неё есть все шансы вскоре стать первой [Lindberg, 2026]. В докладе проекта V-Dem за 2026 г. отмечается, что за 2005–2025 гг. доля населения, живущего в демократиях, снизилась с 50 до 26%, в то время как доля населения, живущего в автократиях, выросла за этот же период с 50 до 74% [Nord et al, 2026].

Для оценки состояния либеральной составляющей модернизации лучше всего подойдёт Индекс либеральной демократии (Liberal democracy index). Применительно к нему в проекте V-Dem даётся следующее пояснение: «Либеральный принцип демократии подчёркивает важность защиты прав личности и меньшинств от тирании государства и тирании большинства. Либеральная модель занимает негативную позицию в отношении политической власти, поскольку оценивает качество демократии по ограничениям, накладываемым на правительство. Это достигается за счёт конституционно защищённых гражданских свобод, сильного верховенства права, независимой судебной системы и эффективных сдержек и противовесов, которые в совокупности ограничивают осуществление исполнительной власти»⁸.

Очевидно, что современная официальная доктрина российской власти исходит из противоположных принципов. Она построена на идеологии холизма (социального муравейника) и культе жертвенного служения государству (его целеполагание есть высшая ценность по сравнению с жизнью отдельного человека). Её, несомненно, можно назвать

⁷ Широкое определение демократии представлено, например, в докладе Economist Intelligence Unit, которое ежегодно рассчитывает Индекс демократии (Democracy Index). В него входят: электоральный процесс и плюрализм, функционирование правительства, участие в политике, политическая культура и гражданские права [Democracy Index, 2024]. Ещё более широкий перечень характеристик входит в оценку состояния демократии, проводимую в рамках крупномасштабного международного проекта «Разнообразие демократии» (V-Dem), реализуемого Институтом V-Dem на базе факультета политологии Гётеборгского университета. Принимаются во внимание следующие принципы: электоральный, либеральный, мажоритарный, консенсусный, партиципаторный, делиберативный и эгалитарный [Coppedge M. et al. (2026)].

⁸ V-Dem. URL: https://v-dem.net/data_analysis/CountryGraph/ (access date: 24.03.2026).

антилиберализмом, где патриотизм противопоставляется правам и свободам человека, а коллективизм — индивидуальной жизни. Впрочем, сегодня этот факт не только не скрывается, а рекламируется и пропагандируется. В развёрнутом научно-популярном виде именно такое этатистское видение российского общества дано в статьях начальника Управления Президента РФ по вопросам мониторинга и анализа социальных процессов Д. Харичева [Харичев, 2025a; Харичев, 2025b].

В результате неизбежно встаёт вопрос: а что на самом деле? В каком направлении реально развивалось российское общество после коммунизма? И как бы ни досадно это было отечественным носителям либеральной идеологии, оно, после первых инъекций свободы, стало вскоре отходить от вестернизации и возвращаться в свою историческую колею. Наглядно увидеть это нам и поможет динамика индекса либеральной демократии из проекта V-Dem.

Что же можно заметить применительно к России? Важен сравнительный анализ. В качестве эталона либеральной модернизации выберем три бывшие советские республики: Эстонию, Латвию и Литву. Объединим их под именем «Балтия» на основе среднего значения индекса для соответствующих лет. С другой стороны спектра находятся те, кого условно назовём «султанатами»: Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан (Кыргызстан не включён в их число в силу высокой волатильности показателя). Поступим с их индексами так же. И, конечно, представим значения индекса для России.

На основе рис. 1 можно заметить, что индекс либеральной демократии в России в 1990-е гг. сильно отклонялся в сторону либеральной модели модернизации по сравнению с «султанатами», хотя, в то же время, был очень далёк от стран Балтии. Потом расстояние от «султанатов» всё уменьшалось, пока, наконец, в 2025 г. его значение стало даже чуть ниже среднего значения по этой категории стран (0,06 против 0,07). Либеральная составляющая модернизации полностью ушла. «Русская матрица» победила.

Параллельно с этим в мире шёл и другой процесс: вытеснение классического либерализма либерализмом эпохи постмодерна, который никак не заслуживает обозначения словом производным от слова свобода (*liberty*). В США социалисты надели на себя одежды либералов достаточно давно, задолго до эпохи постмодерна⁹. Более чем 100 лет спустя Дж. Гольдберг пришёл к выводу, что «то подновлённое здание американского прогрессизма, которое мы называем либерализмом, фактически стоит на фундаменте фашизма и является одним из его проявлений» [Гольдберг, 2012. С. 9]. «Либерализм, — по сути, исполненный благих намерений племянник фашизма» [Там же].

Желающие познакомиться с развитием темы «прогрессизм (либерализм) — фашизм» могут обратиться к книге Гольдберга. Для нас же сейчас важно показать, что современный квазилиберализм размывает по многим параметрам либерализм классический. И этот процесс охватывает самые разные стороны общественной жизни. Начнём с того, что все устремления современных левых по своим целевым задачам не сильно отличаются от провозглашённого К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте коммунистической партии» центрального тезиса коммунистической теории: «Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности» [Маркс, Энгельс, 1955. С. 4]. На это уничтожение, в конечном счёте, направлен весь спектр их разнообразных концепций, политик и политических движений. Причём именно электоральная демократия с её всеобщим избирательным правом — «всеобщая избирательная привилегия», согласно К. Яновскому и С. Жаворонкову [Яновский, Жаворонков, 2026. С. 32] — породила

⁹ «Где-то в 1900 году смысл термина “либерал” изменился. Называть себя либералами стали люди, поддерживающие большое правительство и желающие поставить под контроль и ограничить свободный рынок. Поэтому сегодня мы называем философию личных прав, свободных рынков и ограниченного правительства — философию Локка, Смита и Джефферсона — классическим либерализмом» [Боуз, 2004. С. 26].

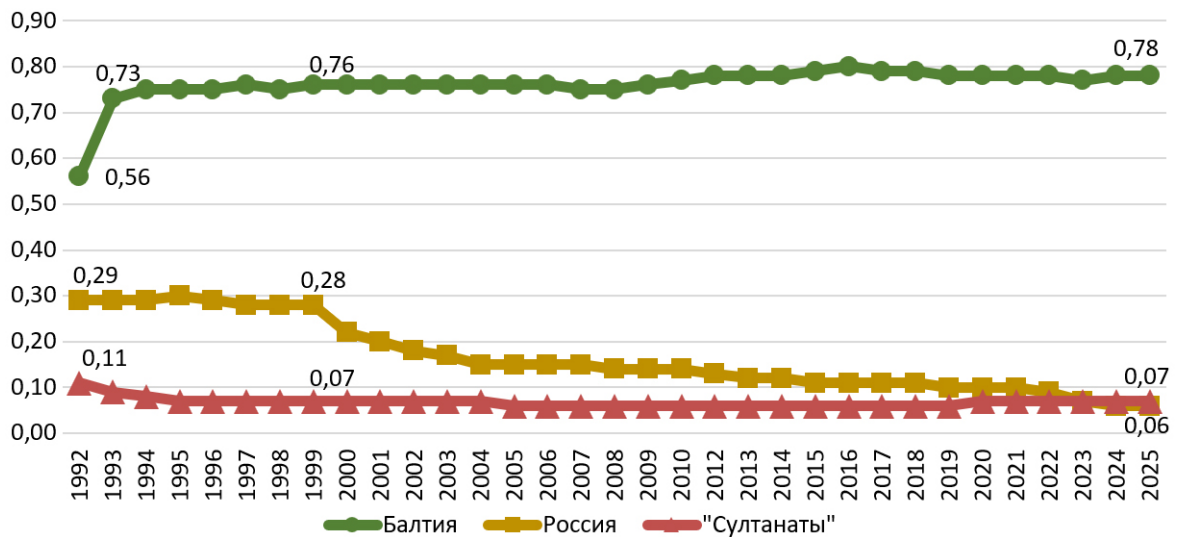

Рис. 1. Индекс либеральной демократии (высшее значение — 1,0).
 Источник: <https://www.v-dem.net/data/the-v-dem-dataset/>; расчёты автора.

это отрицание частной собственности¹⁰. Когда голосуют все и независимо ни от чего, то раньше или позже неизбежно возникнет система подкупа избирателей, которая означает перераспределение собственности в пользу тех, кто понял, что её можно обрести за счёт других в обмен на голосование за «правильных кандидатов»¹¹.

Анализ современных практик, разрушающих гражданские права, в основе которых лежат частная собственность и свободное предпринимательство, не поместился бы и в большую книгу. Поэтому ограничимся перечислением лишь основных.

В первую очередь укажем на концепцию ESG (environmental, social, governance)¹², которая заиклена на зелёную повестку дня. В сущности, это принудительное вовлечение компаний в решение экологических, социальных и управленческих проблем именно так, как они видятся бюрократам и следующим их рекомендациям частным и квазичастным организациям (фирмам, НКО и пр.). Происходит замена решений на основе критериев свободного рынка на выполнение навязанных показателей, как правило, невыгодных рыночным агентам. Получается в итоге что-то вроде китайского социального рейтинга для бизнеса. И эта замена стала повсеместно распространённой практикой¹³.

Зелёная политика приобретает всё более радикальные формы. Закрытие АЭС в Германии стало явным нарушением прав частной собственности. Атомная энергетика страны в основном контролировалась частными энергетическими концернами, которые владели АЭС либо полностью, либо частично¹⁴. При этом в результате экологическая обстановка значительно ухудшилась¹⁵.

¹⁰ В этой связи заметим, что согласно разработанной методике, вышеприведённый Индекс либеральной демократии включает в себя и Индекс электоральной демократии [Coppedge et al., 2026]. Поэтому первый никак нельзя назвать показателем чистого классического либерализма.

¹¹ О кризисе государства благосостояния (welfare state) см.: [Заостровцев, 2024].

¹² На русский язык это можно перевести как экология, социальная политика и корпоративное управление.

¹³ Согласно результатам глобального опроса институциональных инвесторов (пенсионных и инвестиционных фондов, страховых организаций и кредитных союзов), проведённого аудиторской компанией EY, в 2021 г., только 2% из них не учитывали факторы ESG при принятии инвестиционных решений, а 78% инвесторов оценивают нефинансовую информацию о компаниях на системной основе. (См.: СБЕР Про URL: https://sber.pro/digital/uploads/2022/10/ESG_riski_2510_d114329496.pdf (дата обращения: 24.03.2026)).

¹⁴ Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ядерная_энергетика_Германии (дата обращения 24.03.2026).

¹⁵ Германия стала одним из крупнейших загрязнителей окружающей среды в ЕС, свыше 28% её энергобаланса составляет каменный и бурый уголь, который, в свою очередь, завозится из Австралии и Африки на судах, использующих «грязный» мазут (см.: Дибров Дм. Почему Германия уничтожила свою атомную энергетику? ИНОСМИ. 19/04/2023/ URL: <https://inosmi.ru/20230419/germaniya-262324088.html>) (дата обращения: 24.03.2026).

Не менее вопиющие нарушения прав частной собственности под прикрытием экологических требований намечаются и в Нидерландах. Брюссель выделил 1,5 млрд евро на программу ликвидации 3 000 голландских ферм по производству молока, говядины, свинины и птицы. Деньги будут направлены на компенсации, однако фермеры против ухода из бизнеса и даже организовали довольно успешное политическое сопротивление [Осинов, 2023]. Предполагается, что это уничтожение фермерства продиктовано намерениями завладеть ценными землями под застройку. По новым правилам право возводить недвижимость будет предоставлено только правительству и корпорациям. Обычные голландские граждане не смогут приобрести для себя бывшие сельскохозяйственные земли¹⁶.

Эти и многочисленные подобные им истории в западном мире свидетельствуют о том, что зелёная повестка вышла далеко за рамки разумных границ. Она, скорее, напоминает коллективное помешательство, чем заботу о человеке. Американский экономист Д. Лал уже достаточно давно заметил, что «попытки вести с “зелёными” разумную дискуссию бесплодны. Их позиция не основана на логике — она представляет собой новую “светскую религию”» [Лал, 2010. С. 245].

Политика DEI (diversity, equity, inclusion)¹⁷ отчасти вплетена в ESG (через букву S). Расовые, гендерные и прочие квоты разрушают рынок труда, размывают человеческий капитал и стремление к его накоплению. Собственник бизнеса — наниматель — принуждается при выборе кандидатов на работу или продвижении работников руководствоваться иррелевантными критериями. Так называемая «позитивная дискриминация» (на самом деле это оксюморон: в любой дискриминации нет ничего позитивного) разрушает образование и науку, оценивая не реальные знания, а расу, гендер и т.п.¹⁸. В итоге имеем то, что имеем: «ESG и DEI представляют собой серьёзные проблемы, наносящие ущерб работникам, потребителям и инвесторам по всей стране множеством способов. ESG и DEI стали повсеместными в правительстве, корпорациях, университетах» [Burton, 2024].

Миграция — пример поддержки меньшинств. Понятно, что как явление она вызвана далеко не только этим обстоятельством. Однако мигранты из слаборазвитых стран, в том числе и незаконные, нередко получают преимущества по сравнению с коренным населением. Часто говорят о сознательной политике «народозамещения», выгодной левым политическим силам. Надежды на то, что мигранты компенсируют демографический провал и «вытянут» расходы социального государства, оборачиваются крахом. Напротив, значительная их часть требует дополнительных затрат и приносит убытки. Недавнее исследование применительно к Нидерландам показало, что позитивный суммарный вклад в бюджет вносят только мигранты из западных стран — 42 000 евро в среднем на человека за жизненный цикл в первом поколении. Выходец из незападных стран в первом поколении оборачивается для бюджета убытком в 167 000 евро (для сравнения: позитивный вклад натурального голландца — 98 000 евро) [Beek et al, 2024]. Из сопоставления этих цифр видно, что в западном мире происходит перераспределение от коренного населения к мигрантам из незападных стран. Последние эксплуатируют первых, отнимая часть их доходов.

О том, насколько глубоко зашла в западные общества «антикапиталистическая ментальность», можно увидеть на примере проблемы так называемых «окупас» в Испании.

¹⁶ ЕС задумал ликвидацию сельского хозяйства Нидерландов (ANNA-NEWS. Info. 03.06.2023. URL: <https://anna-news.info/es-zadumal-likvidatsiyu-selskogo-hozyajstva-niderlandov> (дата обращения: 24.03.2026)).

¹⁷ Разнообразие, равенство, включённость.

¹⁸ «Масштабы последовавшей чистки заставили бы покраснеть даже Сталина. Из 893 кандидатов, формально соответствующих требованиям, 679 были отсеяны исключительно из-за недостаточно “прогрессивных” заявлений о разнообразии, равенстве и инклюзивности. Другими словами, университет Беркли (University of California, Berkeley (UC Berkeley, «Калифорнийский университет в Беркли»)) (США) признан нежелательной организацией в России) использовал политический лакмусовый тест, чтобы отсеять более трёх четвертей абитуриентов» (THE DAILY SIGNAL. URL: <https://www.dailysignal.com/2021/12/05/how-science-went-woke/> (access date: 24.03.2026)).

Она существует в двух разновидностях: в грубой форме это просто захват чужих жилых помещений (квартир, вилл) в отсутствие хозяев, в более мягкой форме — это отказ арендаторов платить и освобождать жильё. Началась эта практика давно. Но в 1980-е гг. каждый захват считался событием, в 1990-х гг. к ним привыкли, в 2000-х гг. счёт пошёл на тысячи в год. В 2010 г. правоохранители зафиксировали три тысячи незаконных вселений, через 10 лет их стало в шесть раз больше. С 2020 по 2023 г. в Каталонии произошло 23 786 вторжений (42,9% от их общего числа в Испании)¹⁹.

Проблема заключалась в том, что закон защищал лишь первое (единственное) жильё, а второе, третье и т.д. были фактически выведены из-под правовой защиты. Ни хозяин, ни полиция не могли применять силу. Можно было обратиться в суд, но процесс в среднем занимал 18 месяцев, а хозяин (собственник) был обязан оплачивать счета захватчиков за коммунальные услуги и не мог отключать их от потребления таковых. Недавно Испания (особенно Каталония) предприняла значительные усилия по восстановлению правового порядка, но ещё не ясно, всё ли пойдёт гладко после стольких лет правового беспредела. Не предусмотрено пока и решение проблемы недобросовестных арендаторов²⁰.

Другое направление свёртывания прав собственности — родившийся в Норвегии налог на *нереализованный* прирост капитала (capital gain tax) при выезде собственника из страны. Он установлен в размере 37,8% от суммы, превышающей 3 млн крон. Его уплачивают не при реализации капитала, а просто по факту роста его рыночной цены при решении об эмиграции. Кроме того, физические лица платят 1% от чистого капитала в размере от 1,76 млн до 20,7 млн крон (от 174 000 до 2 млн долл.). Правда, на основное жильё полагается скидка до 75%. В 2022 г. страну покинул 261 человек, в 2023 г. — 254 человека с состояниями выше 10 млн крон (973 000 долл.). Этот поток более чем в 2 раза превышает цифры до введения налога. Из 400 самых богатых 105 живут за пределами страны²¹.

Все эти разновидности размывания прав собственности демонстрируют упадок гражданских прав, появление новых привилегированных сословий, основанное на культе меньшинств (этнических, гендерных и прочих, включая даже незаконных мигрантов)²². Причём закрепление за ними привилегий описывается как развитие свободного общества, хотя, в действительности, является противоположным процессом. Критика же этой политики стигматизируется и преследуется репрессивным законодательством. И если в США этому как-то препятствует первая поправка к Конституции, то в Европе свобода слова в значительной степени утрачена. В докладе V-Dem отмечается, что Великобритания в 2025 г. включена в число автократизирующихся стран по причине упадка свободы выражения мнений в медиа, худшего за десятилетия [Nord et al, 2026].

Для стран Западной Европы характерна исламизация. Ещё в 2017 г. исследовательская организация Pew Research Center опубликовала прогноз роста мусульманского населения в европейских странах к 2050 г. При цифре 4,9% в 2016 г. даже при нулевой миграции оно должно было бы вырасти до 7,4% в 2050 г., в случае умеренных темпов миграции — 11,2, а при высоких — 14,0%. Если выделить пятерку лидирующих по исламизации стран (умеренный прогноз), то она выглядит так: Швеция — 20,5%, Франция — 17,4,

¹⁹ Головин А. Ежедневно в Испании захватывают 40 домов. Мадрид — среди лидеров. СПОРТС. 12.03.2025. URL: <https://www.sports.ru/football/blogs/3306645.html> (дата обращения^ 24.03.2026).

²⁰ Окупасы в Испании: новые законы 2025 об ускоренном выселении и правах собственников. Азбука Испании. 31.03.2026. URL: https://abcspain.ru/articles/okupasy_v_ishpanii_novye_zakony_2025_ob_uskorennom_vyselenii_i_pravakh_sobstvennikov/ (дата обращения^ 24.03.2026).

²¹ U.S. News Money. URL: <https://money.usnews.com/investing/news/articles/2025-11-24/analysis-norways-wealth-tax-trades-millionaires-for-equality> (access date^ 24.03.2026).

²² Выше мы видели, что в определении либеральной демократии из проекта V-Dem присутствует указание на права меньшинств. Выскажем мнение, что права меньшинств противоречат классическому либерализму, где такое понятие отсутствует. Есть только персональные права. Их носители свободны вступать в ассоциации и т.п. Но нет групповых прав отдельных категорий людей, будь то рыжих или леворуких.

Великобритания — 16,7, Бельгия — 15,1 и Нидерланды — 12,5%. На этом фоне контрастно выглядит Восточная Европа: наибольший прирост (до 9,2%) продемонстрировала Болгария, в остальных странах положение разительно отличается: на втором месте — Хорватия — 2,0%, далее Венгрия — 1,3, Чехия — 1,1 и Словакия — 0,6%²³.

Ислам — не только религия, это — политическая программа, нацеленная на утверждение не только идеологии, но и соответствующих социальных порядков (шариат). В этом плане он подобен коммунизму. Такой масштаб исламизации способен радикально поменять культуру Западной Европы. В предисловии к книге историка А.Л. Янова культуролог И.В. Кондаков писал: «Постепенная, но радикальная исламизация Европы кардинально трансформирует ценностно-смысловые параметры европейской культуры и европейской цивилизации» [Янов, 2017. С.8]. Разработчики индексов демократии это обстоятельство никак не учитывают.

Необходимо заметить, что индексы демократизации явно завышены для тех стран, где доминирует левая повестка дня. Нынешние практики, в том числе и репрессивные, осуществляемые государственными органами, не всегда считаются автократическими (Великобритания — скорее, исключение). Более того, нередко они трактуются как прогресс свободы. Для подтверждения этого факта можно обратиться к всё тому же докладу проекта V-Dem. Специальный его раздел посвящён автократизации США. С 2023 г. они потеряли в Индексе 0,218 пунктов (это очень много, если вспомним, что значения укладываются в интервал от 0 до 1,0). Понятно, что Д. Трамп не всегда склонен к демократическим решениям. Однако при его предшественнике, Дж. Байдене, этот Индекс рос. Причём на фоне поощряемых правящей тогда Демократической партией массовой нелегальной миграции, фальсификации выборов и бесчинств BLM, антифа²⁴ и пр. Вторым подтверждением благосклонности к левому авторитаризму является так называемый U-поворот применительно к Бразилии. Индекс резко падает при президенте Ж. Болсонару и растёт после него [Nord et al, 2026].

Из всего вышесказанного можно заключить, что Западная цивилизация больна аутоиммунным заболеванием, когда дисфункция иммунной системы организма заставляет атаковать собственные ткани. Применительно же к России можно сказать, что внешне схожие с некоторыми западными «политкорректными» нововведениями меры, вроде ограничений самовыражения в глобальной сети или же ответственность за не уместяющиеся в правовое поле деяния (типа «оскорбления чувств»), нельзя рассматривать в качестве дисфункции. Это, в отличие от Запада, не работает против её фундаментальных институциональных основ, а, напротив, укрепляет их, ибо основы эти принципиально несовместимы с классическим либерализмом. В 20-е гг. XXI в. локальная российская разновидность силовой цивилизации окончательно отбрасывает несвойственные ей формы бытия, выйдя в авангард острой институциональной конкуренции с Западом. И это не историческая случайность, а закономерность.

Вызов как результат институциональной несовместимости

Какова же природа такой закономерности? Для этого принципиально важно понять главную особенность «Русской цивилизации». В настоящее время само понятие «цивилизация» вызывает споры. Оно далеко от общепризнанного. В социологии спорят между собой эссенциалистский и конструктивистский подходы, а также предлагается их сочетание под именем исторической социологии [Масловский, 2025b]. Однако из данной статьи нельзя получить информацию о том, что же такое «цивилизация». В этом плане интересно определение экономиста Т. Курана, согласно которому «Цивилизация означает

²³ Europe's Growing Muslim Population. Pew Research Centre. 29.11.2017. URL: <https://www.pewforum.org/2017/11/29/europes-growing-muslim-population/> (access date^ 24.03.2026).

²⁴ США внесли в список террористов связанные с "Антифа" объединения в Европе. ТАСС, 13.11.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/25620785> (дата обращения: 30.03.2026)..

особо прочный (*durable*) набор характеристик, который придаёт большим массам населения отчётливую идентичность. Что делает их прочными, так это их (характеристик — А.З.) комплементарность. Коэволюционируя в течение длительного времени, они, по большей части, поддерживают друг друга» [Kuran, 2009. P. 594]. С этим общим утверждением вполне можно согласиться. Однако в основе такой сохраняемой в длительном времени комплементарности должен лежать какой-то ключевой неформальный институт (культурное ядро). На наличие такого «склеивающего элемента» обращали внимание П. Беттке, К. Койн и П. Лисон, называя его греческим словом *mētis* [Boettke, Coyne, Leeson, 2008; Boettke, Coyne, Leeson, 2013]. Что является таковым в «Русской цивилизации» (матрице)?

Совершенно не претендуя на рассмотрение всех локальных цивилизаций, обратим внимание на те из них, которые носят отчётливо мессианский характер, не теряя его на протяжении веков, с момента зарождения. Таковыми являются только две: исламская и русская. Их философия очень похожа: раздвигать границы истинной веры (= богоугодного порядка), неся их на другие земли и другим народам²⁵. В исламе это вытеснение *дар ал ислам* (территорией ислама), *дар ал куфр* (территории неверия) или, иначе, *дар ал харб* (территории войны) [Васильцов, 2020]. Похожая целевая функция и у «Русской цивилизации». Только если в исламе её знаменосцем поочередно было то или иное государственное образование (Арабский халифат, Османская империя, ныне Иран и всё более претендующая на это Турция), то в русском варианте эта миссия исторически привязана к одному государству, которое, хотя и существенно менялось на протяжении своей истории, однако сохраняло свою идентичность, несмотря на все катаклизмы.

Нужно чётко представлять, что корни современного российского государства сравнительно слабо касаются Древней (Киевской) Руси. Зачатие его — это интеграция более деспотических по сравнению с Киевом порядков Северо-Восточной Руси (Залесья) с ордынской политической культурой, которая, в свою очередь, много заимствовала от китайской [Нефедов, 2006]. А вот появление его на свет связано с крахом Византии в 1453 г., отказом от Флорентийской унии и выходом на свет как единственного в мире суверенного православного государства. Это обстоятельство, как пишет историк В.А. Шаров в работе «Искушение революцией», «поставило русскую историю в центр мира» [Шаров, 2009. С. 17]. Русская земля была вознесена в новую Святую землю «и русский народ единственный независимый народ, сохранивший истинную веру, новый народ Божий, а также русских царей — Его наместников на земле» [Там же].

Известная концепция «Москва — Третий Рим» строилась на том, что другого правильного мира, мира угодного богу, быть не может. «Власть монарха понималась как абсолютная, безграничная и целиком обращённая к Высшей силе. Главной, а по сути единственной её задачей было расширение территории истинной веры» [Там же. С. 20]. В недавней монографии другого историка — И.Н. Данилевского — представлена полная картина развития этих коренных русских идей, породивших многовековую сосредоточенность на продвижении себя вовне [Данилевский, 2026]. В русском глубинном сознании это не прихоть, а воля Бога, возвысившего «избранный народ» для выполнения этой святой миссии. И отказаться от неё — значит предать Бога и, следовательно, отказаться от самого себя, совершить духовное самоубийство.

Для России принципиально важна собственная институциональная экспансия, вытеснение альтернативных её цивилизационным началам институтов и замена их аналогами собственных²⁶. Ибо тем самым реализуется её высшее предназначение. И в этом

²⁵ История крестовых походов на Западе постепенно сошла на нет, сменившись политикой колонизации.

²⁶ Не лишним будет заметить, что подобного взгляда придерживаются и морально отторгающие Русскую систему, но не утратившие объективность аналитики. «Русский становился русским и самоутверждался как русский, навязывая себя другим народам, а не во внутренней самоорганизации. Это расширение заменяет национальное государство, общественный договор и гражданское общество» [Шушарин, 2021. С. 78].

заключается её зависимость от траектории предшествующего развития, её «эффект колеи». Поэтому при любом, даже самом радикальном на первый взгляд обновлении, она воспроизводит этот путь.

Неудачи же на этом пути могут поставить под вопрос легитимность власти²⁷. А точно ли она достойна руководить? Не утратила ли она доверие Господа? Или, на китайский манер, «мандат Неба»? Такая делигитимация власти произошла, как известно, в начале XX в. Однако ключевая идея осталась и, более того, сильно укрепилась, но для этого ей пришлось совершить полное переодевание: божьей волей стали открытые Марксом объективные законы истории, а русский народ — их проводником во всём мире. Миссия обрела глобальный масштаб (мировая пролетарская революция, Коминтерн).

Одним из первых на эту преемственность обратил внимание Н.И. Бердяев. «И Москва — Третий Рим, и Москва — Третий Интернационал связаны с русской мессианской идеей» [Бердяев, 2017. С. 360]. Продолжатель традиции Бердяева, философ и культуролог А.А. Пелипенко на первое место в своей концепции «Русской матрицы» ставил имперство. «Под имперством имеется в виду идеократический проект установления должного мирового порядка» [Пелипенко, 2014. С. 60]. В России же в XX в. произошла смена вывески: православная теократия сменилась на коммунистическую: «Идеократическая империя, изжив православную догматику, трансформировалась в империю советскую...» [Там же. С. 64].

Примерно в 70-е гг. прошлого века это идейно новое оформление мессианства постепенно переставало служить опорой легитимации власти, вера в коммунизм затухала. Последний её взлет в начале 1960-х гг. (хрущёвская оттепель наряду с кратковременным возрождением тяги к коммунизму) её не спас. Однако последовавший вслед за «брежневским застоём» распад СССР породил волну ресентимента, которая стала набирать силу. Запрос на великодержавность вернулся.

В данном случае стоит обратиться к ряду тезисов из публичных выступлений президента РФ В.В. Путина. Исторически первый из них (2005 г.) объявлял ликвидацию СССР «величайшей геополитической катастрофой прошлого века»²⁸. Если вдуматься, XX в. знал куда более масштабные и глобальные катастрофы. Эта же обошлась минимумом жертв, просто несравнимым с последними. И протекал этот развод почти мирно, в тот же период распад Югославии вызвал куда большие потрясения. И, тем не менее, у Путина это — не просто катастрофа, а ещё и величайшая.

Понять это можно только, если обратиться к идее «святой Руси», воплощённой в описанном выше культурном коде мессианства. Были утрачены земли, которые уже были обращены в праведный, богоугодный (= Русский) мир. А тут вроде как провалили возложенную Богом задачу: не только не взяли нового, а потеряли и старое, то, что уже было. При этом была потеряна не только суверенная территория, но и огромная сфера влияния из государств-протекторатов²⁹. Претензии на её возврат прозвучали в декабре 2021 г., когда коллективному Западу от лица МИД РФ было предъявлено требование отодвинуть НАТО на границу 1997 г.³⁰

²⁷ «Легитимность представляет собой меру соответствия характеристик правительства и, шире, государственного устройства системе представлений граждан о “правильном”, “нормальном” устройстве мира» [Коротаев, Шкаратав, 2017. С. 134].

²⁸ Президент России. 25.04.2025. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36354> (дата обращения: 24.03.2026).

²⁹ Тут не стоит упускать из вида слова Президента РФ, произнесённые на Петербургском международном экономическом форуме 2025 г. «Куда ступает нога русского солдата, то наше». Коммерсантъ. 20.06.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7830960> (дата обращения: 24.03.2026). В этой связи вспоминаются не только те территории и страны, куда эта нога ступала. Присутствует тут и более глубокий смысл. Это форма приобщения к «Русскому миру», причём выход из этой общности не предусматривается.

³⁰ МИД РФ призвал НАТО вернуться к позициям 1997 года. ИНТЕРФАКС. 17.12.2021. URL: <https://www.interfax.ru/russia/810029> (дата обращения: 24.03.2026).

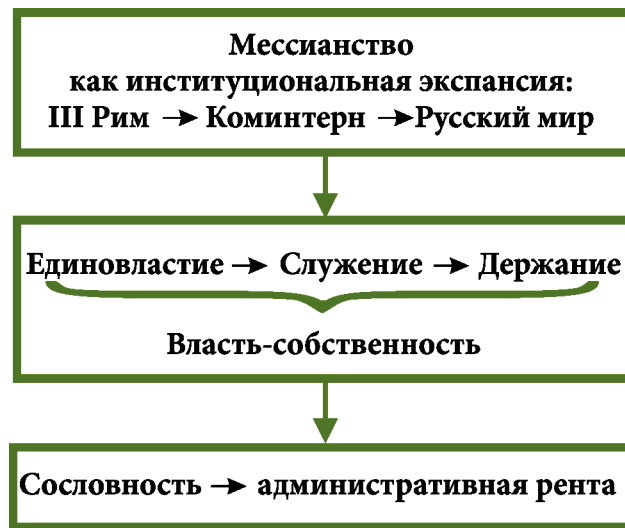

Рис. 2. Русская матрица
 Источник: разработано автором.

Имеют значение и слова президента о том, зачем нам такой мир, если в нём не будет России (из фильма В. Соловьева «Миропорядок — 2018»). Комментируя их на Валдайском форуме (октябрь 2018), в интервью с Ф. Лукьяновым (гл. редактором журнала «Россия в глобальной политике») В.В. Путин произнёс знаменитую фразу: «Мы как мученики попадём в рай, а они просто сдохнут, потому что даже раскаяться не успеют»³¹. Независимо от контекста, она подтверждает идею врождённой сакральности России. При этом «небытие» России в мире здесь не понимается формально, просто как сохранность за российским государством международно признанной территории. Это «небытие» наступает тогда, когда России отказывают в неформальном праве на её миссию, на продвижение «Русского мира».

И последний тезис. Он был произнесён вроде бы в шутку во время неформальной встречи с президентом США. «Границы России, как известно, нигде не заканчиваются». В последующем комментарии президент РФ заявил, что «это [высказывание] в первую очередь имеет цивилизационный смысл» и сослался на проживающих на всех континентах соотечественников³². Однако надо иметь в виду, что такая форма донесения информации применяется, когда по какой-либо причине требуется сохранить двусмысленность (т. е. понимай, как хочешь, шутка это или нет).

Если изобразить «Русскую матрицу» как целое (рис. 2), то в верхней её части в качестве целевой функции системы будет мессианство как институциональная экспансия во всех её трёх исторических формах: III Рим — Коминтерн — Русский мир. Эта целевая функция задаёт и политико-экономическую основу: единовластие — служение — держание. Или, иначе, то, что в совокупности получило название власть-собственность. Этот опорный социальный институт сосредоточивает власть в едином центре (исключая разделение властей, политический плюрализм и политическую конкуренцию на электоральном поле).

Служение означает подчинение ключевых акторов целевой функции, независимо от их формального статуса (будь то силовики, госслужащие или формально независимые представители бизнеса). По мере роста напряжения в системе служение распространяется на всё более широкие слои занятых, власть стремится к внедрению элементов принуждения в распределение определённых категорий работающих (вплоть до воспроизведения социалистических практик). В практиках служения отражается то, что единовластное

³¹ Президент России. 18.10.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58848> (дата обращения: 24.03.2026).

³² Путин пояснил своё выражение о том, что границы России нигде не заканчиваются. ТАСС. 5.10.2023. URL: <https://tass.ru/politika/18921495> (дата обращения: 24.03.2026).

государство видит себя распорядителем не только отчуждаемых от человека активов, но и в какой-то степени его самого. В этой системе человек не может утверждать о собственной самопринадлежности.

Держание. Этим термином лучше обозначить то, что привычно называется собственностью. На самом деле собственность эта условна и перераспределяется согласно волеизъявлению верховной власти. Владельцы бизнеса зачастую просто выполняют функцию госменеджеров, несмотря на формальные юридические документы, дающие им статус частных собственников. Их права в качестве таковых *de facto* размыты настолько, что от собственности остаются только очень ограниченные пучки прав.

И, наконец, в нижней части мы видим сословность и административную ренту. Иначе говоря, рентно-сословное общество [Мартьянов, 2016]. Для каждого сословного статуса предписана рента, включая неформальную её составляющую. Эта рента играет роль и пряника, и кнута. Она мобилизует на служение. Такая модель общества опирается на во многом неформальную иерархию организаций, возглавляемую силовой их частью.

В этой системе все элементы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Тем не менее главной цементирующей составляющей является мессианство. Как только институциональное противостояние альтернативной (правовой) цивилизации ослабляется, то сама эта система входит в стадию нестабильности, а то и разложения в силу проникновения и распространения на неё чуждых ей институтов. До каких-то пределов они ей даже полезны, но на превышение их порога иммунная система «Русской матрицы» должна среагировать адекватно: не допустить её перерождения. В противном случае, без целеполагания власть-собственность трансформируется в рыночную экономику с частной собственностью, а политическая сфера утрачивает характеристики единовластия и способность концентрировать ресурсы. При этом для России остро встаёт вопрос единства страны.

В настоящее время «Русская матрица» сохраняет легитимность. Это прежде всего подтверждает массовая поддержка мессианского предназначения. Обратимся к опросам «Левада-Центра»^{*33}, который трудно заподозрить в провластной ангажированности. При этом не стоит обращаться к тем опросам, где напрямую задаются вопросы об отношении к СВО. Они, действительно, могут нести серьёзные искажения. Вместо этого обратимся к сравнительно нейтральному опросу о положении дел в стране: идут дела в правильном или неправильном направлении. Результаты его за много лет представлены на рис. 3.

На рис. 3 очень заметны два периода, когда положительная оценка пути развития страны явно преобладала над отрицательной. Первый начинается с Крымской весны: в марте 2014 г. первая оценка превышает вторую в 2,3 раза по сравнению с 1,3 раза в феврале и их равенством в январе того же года. И превышение резко падает в июне 2018 г.: с 2,1 в мае 2018 г. до 1,1, и далее остаётся примерно на том же уровне до марта 2022 г. Понятно, что это реакция на повышение пенсионного возраста летом 2018 г., а потом начала пандемии COVID-19. В результате крымская эйфория сошла на нет.

Если мы подсчитаем среднее соотношение рассматриваемых величин за два периода — первый с января 2010 г. и по февраль 2014 г, а второй — с марта 2014 г. по май 2018 г., то получим следующие значения: в первом периоде оно составит 1,2, а во втором — 2,1 (если же в нём ограничиться декабрём 2015 г., то 2,4). Далее берём период с июня 2018 г. по февраль 2022 г. Получаем среднее превышение положительных оценок над отрицательными всего лишь 1,1. В марте же 2022 г. это превышение составляет 3,1 (по сравнению с 1,3 в январе и 1,4 в феврале того же года). Затем в период с марта 2022 г. по декабрь 2025 г. среднее превышение положительных оценок над отрицательными составило 3,5.

Для наглядности представим эти соотношения по четырём выбранным выше периодам на рис. 4. Второй и четвёртый столбцы показывают, как вырастает процент

³³ *Признан иноагентом Минюстом РФ.

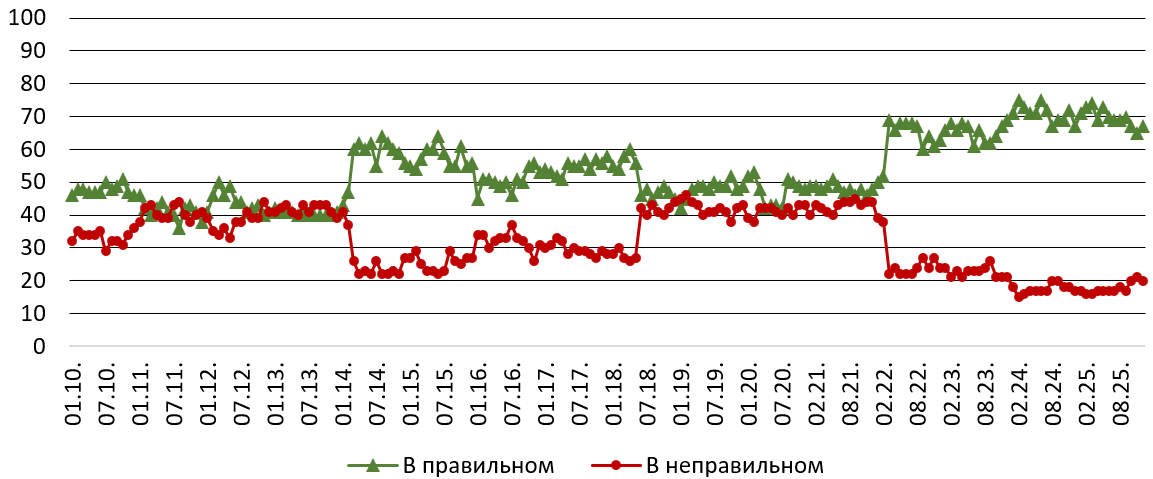

Рис. 3. Дела в стране идут в правильном или неправильном направлении?
 Источник: Левада-Центр (иноагент). 23.01.2026.

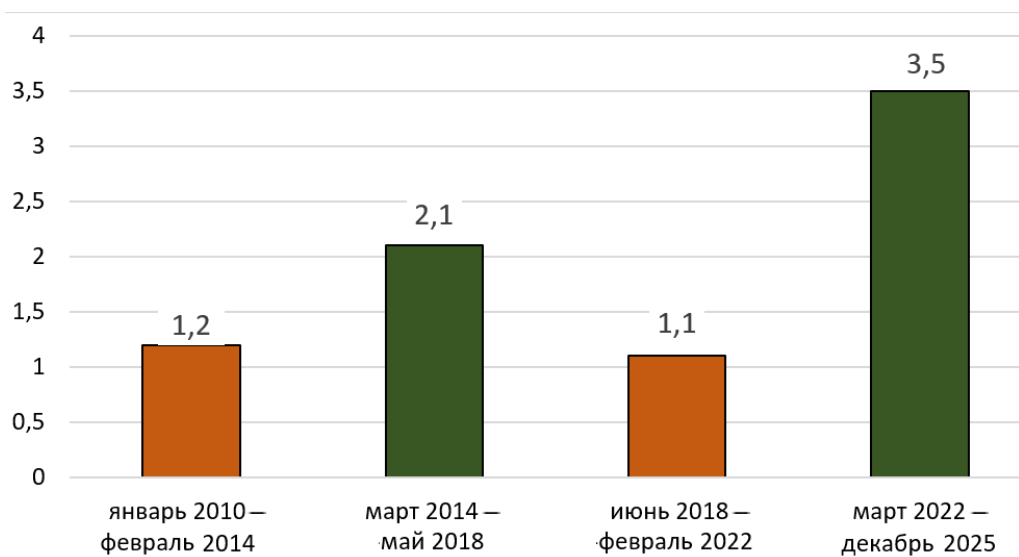

Рис. 4. Соотношение оценок: страна идёт по верному/неверному пути
 Источник: расчёты автора на основе данных Левада-Центра (иноагент).

респондентов, считающих, что страна идёт по верному пути во времена, назовём их «активной постсоветской реконкиты». В эти отрезки времени взрывной рост благосостояния масс не наблюдался, не считая отдельных категорий граждан, которые в число респондентов, скорее всего, не попадали. Да если бы они или их родственники и попадали, то всё равно столь явных скачков преобладаний положительных оценок пути страны не произошло бы. Вряд ли бы они доминировали в выборке. Так что причины этого более чем очевидны.

Если же разделить значения второго периода на значения первого ($2,1/1,2 = 1,75$), а четвёртого — на третьего ($3,5/1,1 = 3,2$), то полученные частные от делений можно смело называть индексами великодержавности. Они убедительно свидетельствуют, что мессианская составляющая «Русской матрицы» никуда не делась из массового сознания. И это не продукт пропаганды, хотя, конечно, она активно работает на эти настроения.

Нередкими являются попытки оспорить правомерность мессианского начала «Русской матрицы» через указание на то, что это — миф. На самом деле тот факт, что тут мы имеем дело с мифом, никак не опровергает само наличие этого начала и его роли. Человечество живёт и движется вперёд внутри мифов (вспомним хотя бы влияние всемирных религий). Здесь уместно привести высказывание Л. фон Мизеса о роли идей: «Мысли

и идеи не являются фантомами. Они реальны. Несмотря на неосвязаемость и нематериальность, они являются движущей силой, вызывающей изменения в царстве осязаемых и материальных вещей» [Мизес, 2007. С. 84–85].

Вооружённая этим мифом «Русская матрица» бросила вызов Западу. И сделала она это в очень неподходящий для него момент. Как мы видели выше, сам Запад поразил ценностный кризис. Если «Русская матрица» утверждает своё право на то, на что она всегда претендовала, то Запад отвергает своё право быть самим собой. Он испытывает чувство вины за то, что создал современный мир, который, при всех неурядицах, гораздо богаче, чем тот, который был до него. «Русская матрица» знает, чего она хочет, Запад не знает, как ещё унижить себя сдачей собственных ценностей. У «Русской матрицы» есть, конечно, очевидные слабости. Возможно, она столкнётся с новыми противоречиями и кризисами. Однако это не делает Запад сам по себе сильнее.

Заключение

Теория либеральной модернизации не выдержала испытания современностью. Отличающие её демократические порядки отступают в глобальном масштабе. Термин «транзитивность», столь популярный в 90-е гг. прошлого века, практически вышел из употребления. Постсоциалистические страны в значительной своей части не устремляются к демократии, как следовало бы поступать в теории так называемым транзитивным обществам. СССР, олицетворявший собой в XX в. социализм, разделился на страны, представляющие разные глобальные цивилизации и тяготеющие к разным полюсам глобального противостояния. Россия в XXI в. утрачивала импортированные к концу XX в. элементарные основы правовых институтов западного мира, возвращаясь в русло своего исторического пути.

В то же время не менее, если не более, удивительные метаморфозы стали происходить со странами Запада. Они вдруг стали утрачивать собственные ценности и собственные институциональные основания. Те, которые, строго говоря, и сделали их таким Западом, каким мы его знали. Суверенитет личности и верховенство права терпят ущерб под натиском новой постмодернистской (по сути, социал-коммунистической) морали, диктующей свои правила. Из движения зелёных сформировалась новая религия, тормозящая свободное экономическое развитие. Происходит культурная деградация в процессе «народозамещения», не снижающего, как рассчитывали, а, напротив, повышающего фискальную ношу. Усиливается хрупкость государства благосостояния, и так не особо прочного. Граждане западных стран утратили равенство перед законом. Суды выносят решения в соответствии с тем или иным статусом, чаще, привилегированный статус даёт декларируемая принадлежность к поощряемым меньшинствам. Это не может негативно не сказаться и на экономических условиях роста и предпринимательства, компетентности на всех уровнях. Короче говоря, Запад девестернизируется.

Что касается России, то она в XXI в. реставрировала присущий ей от рождения высший смысл: мессианскую институциональную экспансию, составляющую целевую функцию её локальной цивилизации («Русской матрицы»). В результате её столкновение с альтернативными ей институтами западной цивилизации стало неизбежным и приняло формы острого противостояния. В этом плане закономерны её смещение на Восток (в первую очередь, китаизация внешних связей) и изоляция от западных международных порядков. Под мессианскую функцию органически выстраиваются и прочие фундаментальные институты, в первую очередь традиционная связка власть–собственность. Последняя открывает широкие возможности её реализации за счёт волевой концентрации ресурсов. Из неё же, в свою очередь, вытекает формирование рентно-сословного общества, которое опирается на поддерживающие его и заинтересованные в нём силовые структуры.

Мессианская функция России отнюдь не утратила свою легитимность. Напротив, каждое новое её продвижение откликается ростом массовой поддержки избранного курса: стоит вступить в очередной период конфронтации с Западом, например через Украину, как происходит очередное увеличение доли тех, кто говорит, что Россия находится на правильном пути, дела идут в верном направлении. Это обстоятельство выглядит парадоксальным, поскольку параллельно не наблюдается никакого скачка благосостояния (за относительно редкими исключениями), который мог бы быть причиной такой радикальной перемены настроений. Причём преобладание позитивных оценок хода дел в стране возникает не краткосрочное, а длится несколько лет. Последнее, начавшееся в марте 2022 г., так и не закончилось до конца 2025 г. Из этого можно сделать вывод, что Россия целеустремлённо продвигает пользующуюся массовым одобрением повестку дня, тогда как Запад на данный момент не уверен в самом себе и оказывается ценностно расколотым обществом. Это и позволило «Русской матрице» активно выступить против него.

ЛИТЕРАТУРА

- Бердяев Н.А. (2017). *Россия и новая мировая эпоха*. — М.: Издательство «Э».
- Боуз Д. (2004). *Либертарианство: История, принципы, политика*. — Челябинск: Социум.
- Васильцов К.С. (2020). Дар ал-ислам / дар ал-харб: категории пространства в средневековом исламе // *Исламоведение*. Т. 11. № 3. С. 69–80. DOI: 10.21779/2077-8155-2020-11-4-69-80
- Гидденс Э., Саттон Ф. (2021). *Основные понятия в социологии*. — М.: Изд. Дом Высшей школы экономики.
- Голдберг Дж. (2012). *Либеральный фашизм*. — М.: Рид Групп.
- Данилевский И.Н. (2025). *Интеллектуалы Древней Руси. Зарождение соблазна русского мессианизма*. — М.: Новое литературное обозрение.
- Заостровцев А.П. (2020). *Полемика о модернизации: общая дорога или особые пути?* — СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Заостровцев А.П. (2024). Государство благосостояния: великодушие или хищничество? // *Вопросы теоретической экономики*. №4. С. 22–44. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_22_44
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). *Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития*. — М.: Новое издательство.
- Инглхарт Р. (2018). *Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир*. — М.: Мысль.
- Кирдина С.Г. (2014). *Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию*. — М., СПб.: Нестор-история.
- Коллинз Р. (2015). *Макроистория: Очерки социологии большой деятельности*. — М.: УРСС: ЛЕНАНД.
- Коротяев С.А., Шкаратан О.И. (2017). Постсоветская государственность и общество. Статья 1. Эволюция социального контракта и легитимизация власти // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 130–140.
- Лал Д. (2010). *Похвала империи. Глобализация и порядок*. — М.: Новое издательство.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1955). Манифест Коммунистической партии // *Маркс К., Энгельс Ф. (1955). Собрание сочинений*. Изд. 2-е. Т.4. — М.: Политиздат. С. 419–459.
- Мартыанов В.С. (2016). Рентно-сословная трансформация российского общества // *Неприкосновенный запас*. № 5. С. 106–124.
- Масловский М.В. (2025a). Цивилизационный анализ, теории множественных модернов и модели глобализации // *Социологический журнал*. Т. 31. № 1. С. 9–24. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.1
- Масловский М.В. (2025b). Спор о цивилизационном подходе: эссенциализм, конструктивизм и современная историческая социология // *Социологические исследования*. № 5. С. 80–89. DOI: 10.31857/S0132162525050077
- Мизес Л. фон (2007). *Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции*. — Челябинск: Социум.
- Модернизация России: условия, предпосылки, шансы*: Сб. ст. и мат-в (2009). Вып. 1. Стратегические проблемы модернизации. Вып. 2. Социальные аспекты модернизации. — М.: Центр исследований постиндустриального общества.
- Нефедов С.А. (2006). Монгольские завоевания и формирование российской цивилизации // *Вопросы истории*. № 2. С. 113–123.
- Осинов А. (2023). Фермеры против зелёных // *Ведомости*. 22.03. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/03/22/967555-fermeri-protiv-zelenih> (дата обращения: 01.05.2026).
- Пелипенко А.А. (2014). Код к «Русской матрице» // *Власть*. № 2. С. 58–65.

- Россия как цивилизация: материалы к размышлению (2015) / Ред. О.И. Шкаратан, В.Н. Лексин, Г.А. Ястребов. — М.: Редакция журнала «Мир России».
- Саррацин Т. (2012). *Германия: самоликвидация*. — М.: Рид Групп.
- Травин Д. (2018). Почему ищут особый путь... которого нет // «Особый путь» страны: мифы и реальность / Под общ. ред. А.В. Оболонского. — М.: Мысль. С. 55–120.
- Травин Д.Я. (2019). *Крутые горки XXI века: постмодернизация и проблемы России*. — СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Травин Д.Я., Маргания О.Л. (2004). *Европейская модернизация*: в 2 кн. Кн. 1. — М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica.
- Харичев Д.А. (2025a). Цивилизация «Россия» // *Блокнот гражданского просвещения*. № 7. С. 4–10.
- Харичев Д.А. (2025b). Кто мы? // *Государство*. Вып. 2. С. 16–25.
- Шаров В.А. (2009). *Искушение революцией (Русская Верховная власть)*. — М.: Arsis books.
- Шмиттер Ф. (2013). Размышления о «транзитологии»: раньше и теперь // *Отечественные записки*. № 6. URL: https://www.strana-oz.ru/2013/6/razmyshleniya-o-tranzitologii-ranshe-i-teper#_ftn2
- Шушарин Д. (2021). *Русский тоталитаризм. Свобода здесь и сейчас*. — [б.м.]: Издательские решения.
- Яковлев А.А. (2021). Конкуренция моделей капитализма: проекция на Россию // *Вопросы теоретической экономики*. №4. С. 41–49. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_4_41_49.
- Янов А.Л. (2017). *Спор о «вечном самодержавии»: от Грозного до Путина*. — М.: Новый хронограф.
- Яновский К., Жаворонков С. (2026). *Консерватизм: невыученные уроки* — М.: Челябинск. Социум.
- Ясин Е.Г. (2009). *Модернизация России: Доклады для 10 конференций*: В 2-х кн. — М.: Издательский дом ВШЭ.
- Beek J. van de et al. (2024). The Long-Term Fiscal Impact of Immigrants in the Netherlands, Differentiated by Motive, Source Region and Generation // *IZA DP No. 17569*.
- Boettke P. J., Coyne Ch. J., Leeson P. T. (2008). Institutional stickiness and the new development economics // *American Journal of Economics and Sociology*. Vol. 67. No. 2. Pp. 331–358. DOI: 10.1111/j.1536-7150.2008.00573.x.
- Boettke P. J., Coyne Ch. J., Leeson P. T. (2013). Comparative historical political Economy // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 9. No. 3. Pp. 285–301. DOI: 10.1017/S1744137413000088.
- Burton D. (2024). *ESG, DEI and What to Do About Them* // HERITAGE. URL: <https://www.heritage.org/progressivism/report/esg-dei-and-what-do-about-them> (access date: 24.03.2026).
- Coppedge M. et al. (2026). *V-Dem Methodology v.16. Varieties of Democracy (V-Dem) Project*. URL: https://www.v-dem.net/documents/71/methodology_v16.pdf
- Democracy in Decline?* (2016). L. Diamond, M. Plattner (eds.). — Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Democracy Index 2024*. (2024). What's Wrong with Representative Democracy? URL: <https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2024/>
- Eatwell R., Goodwin M. (2018). *National Populism: The Revolt Against Liberal Democracy*. — London: Pelican Books.
- Holmes S., Krastev I. (2019). *The Light that Failed: A Reckoning*. — New York: Allen Lane.
- Kuran T. (2009). Explaining the Economic Trajectories of Civilizations: The Systemic Approach // *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 71. Iss. 3. Pp. 593–605. DOI: 10.1016/j.jebo.2009.03.005.
- Levitsky S., Ziblatt D. (2018). *How Democracies Die: What History Reveals About Our Future*. — New York: Penguin.
- Lindberg S.I. (2026). Fifty Years of the Third Wave(s): from Democratization to Autocratization // *Democratization* (on-line journal). DOI: 10.1080/13510347.2026.261513.
- Luce E. (2017). *The Retreat of Western Liberalism*. — London: Little, Brown.
- Mair P. (2013). *Ruling the Void: The Hollowing of Western Democracy*. — London: Verso.
- Nord M., Altman D., Fernandes T., God A.G., Lindberg S.I. (2026). *Democracy Report 2026: Unraveling the Democratic Era? University of Gothenburg: V-D*. URL: https://www.v-dem.net/documents/75/V-Dem-Institute_Democracy_Report_2026_lowres.pdf (access date: 24.03.2026).
- O'Donnell G., Schmitter Ph. (1986). *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. — Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press.
- Przeworski A. (2019). *Crises of Democracy*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Transition Report* (1994) / European Bank for Reconstruction and Development. October. URL: <https://www.ebrd.com/home/news-and-events/publications/economics/transition-reports.html#> (access date: 24.03.2026).
- Wolf M. (2023). *The Crisis of Democratic Capitalism*. — London: Allen Lane.

REFERENCES

- Beek J. van de et al (2024). The Long-Term Fiscal Impact of Immigrants in the Netherlands, Differentiated by Motive, Source Region and Generation // *IZA DP No. 17569*.
- Berdyayev N.I. (2017). *Russia and the New World Era*. — М.: Publishing House «E». (In Russ.).
- Boaz D. (2004). *Libertarianism: History, Principles, Politics* — Chelyabinsk: Socium. (In Russ.).
- Boettke P. J., Coyne Ch. J., Leeson P. T. (2008). Institutional stickiness and the new development economics // *American Journal of Economics and Sociology*. Vol. 67. No. 2. Pp. 331–358. DOI:10.1111/j.1536-7150.2008.00573.x
- Boettke P.J., Coyne Ch.J., Leeson P.T. (2013). Comparative historical political Economy // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 9. No. 3. Pp. 285–301. DOI:10.1017/S1744137413000088.

- Burton D. (2024). *ESG, DEI and What to Do About Them* // HERITAGE. URL: <https://www.heritage.org/progressivism/report/esg-dei-and-what-do-about-them> (access date: 24.03.2026).
- Coppedge M. et al. (2026). *V-Dem Methodology v.16. Varieties of Democracy (V-Dem) Project*. URL: https://www.v-dem.net/documents/71/methodology_v16.pdf (access date: 24.03.2026).
- Danilevskiy I.N. (2025). *Intellectuals of Ancient Rus': The Rise of the Temptation of Russian Messianism*. — M.: New Literary Review. (In Russ.).
- Democracy in Decline?* (2016). L. Diamond, M. Plattner (eds.). — Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Democracy Index 2024*. (2024). What's Wrong with Representative Democracy? URL: <https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2024/> (access date: 24.03.2026).
- Eatwell R., Goodwin M. (2018). *National Populism: The Revolt Against Liberal Democracy*. — London: Pelican Books.
- Giddens A., Sutton Ph. (2021). *Essential Concepts in Sociology* — M.: Higher School of Economics Press. (In Russ.).
- Goldberg J. (2012). *Liberal Fascism*. — M.: Reed Group. (In Russ.).
- Holmes S., Krastev I. (2019). *The Light that Failed: A Reckoning*. — New York: Allen Lane.
- Inglehart R., Welzel Ch. (2011). *Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence* — M.: Novoye Izdatelstvo. (In Russ.).
- Inglehart R. (2018). *Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World*. — M.: Mysl'. (In Russ.).
- Kharichev D.A. (2025a). Russian Civilization // *Notebook of Civic Education*. No. 7. Pp. 4–10. (In Russ.).
- Kharichev D.A. (2025b). Who are We? // *The State*. Iss. 2. Pp. 16–25. (In Russ.).
- Kirdina S.G. (2014). *Institutional Matrices and Russia's Development: An Introduction to X-Y Theory*. — M., St. Petersburg: Nestor-History. (In Russ.).
- Korotaev S.A., Shkaratan O.I. (2017). Post-Soviet Statehood and Society. Part 1. Evolution of the Social Contract and the Legitimacy of Authority // *Social Sciences and Modernity*. No. 4. Pp. 130–140. (In Russ.).
- Kuran T. (2009). Explaining the Economic Trajectories of Civilizations: The Systemic Approach // *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 71. Iss. 3. Pp. 593–605. DOI: 10.1016/j.jebo.2009.03.005.
- Lal D. (2010). *In Praise of Empires. Globalization and Order*. — M.: Novoye Izdatelstvo. (In Russ.).
- Levitsky S., Ziblatt D. (2018). *How Democracies Die: What History Reveals About Our Future*. — New York: Penguin.
- Lindberg S.I. (2026). Fifty Years of the Third Wave(s): from Democratization to Autocratization // *Democratization* (on-line journal). DOI: 10.1080/13510347.2026.261513.
- Luce E. (2017). *The Retreat of Western Liberalism*. — London: Little, Brown.
- Mair P. (2013). *Ruling the Void: The Hollowing of Western Democracy*. — London: Verso.
- Martyanov V.S. (2016). Rent-class Transformation of Russian Society // *Neprikosnovenny zapas*. No. 5. Pp. 106–124. (In Russ.).
- Marx K., Engels F. (1955). *The Communist Manifesto* / Marx K., Engels F. (1955). *Collected Works*. V. 4. — M.: Politizdat. Pp. 419–459. (In Russ.).
- Maslovskii M.V. (2025a). Civilizational Analysis, Theories of Multiple Modernities and the Models of Globalization // *Sociological Journal*. Vol. 31. No. 1. Pp. 9–24. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.1 (In Russ.).
- Maslovskii M.V. (2025b). The Debate on the Civilizational Approach: Essentialism, Constructivism and Contemporary Historical Sociology // *Sociological Studies*. No. 5. pp. 80–89. DOI: 10.31857/S0132162525050077 (In Russ.).
- Mises L. von (2007). *Theory and History. An Interpretation of Social and Economic Evolution*. — Chelyabinsk: Sotium. (In Russ.).
- Nefedov S.A. (2006). The Mongol conquests and the formation of Russian civilization // *Questions of History*. No. 2. Pp. 113–123. (In Russ.).
- Nord M., Altman D., Fernandes T., God A.G., Lindberg S.I. (2026). *Democracy Report 2026: Unraveling the Democratic Era? University of Gothenburg: V-D*. URL: https://www.v-dem.net/documents/75/V-Dem_Institute_Democracy_Report_2026_lowres.pdf (access date: 24.03.2026).
- O'Donnell G., Schmitter Ph. (1986). *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. — Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press.
- Osipov A. (2023) Farmers against Greens // *Vedomosti*. March 22. 2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/03/22/967555-fermeri-protiv-zelenih> (access date: 01.05.2026) (In Russ.).
- Pelipenko A.A. (2014). Code to the «Russian Matrix» // *Vlast*. No. 2. Pp. 58–65. (In Russ.).
- Przeworski A. (2019). *Crises of Democracy*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Russia as a Civilization: Food for Thought* (2015). O.I. Shkaratan, V.N. Leksin, G.A. Yastrebov (Eds.). — M.: Editorial Board of the journal «World of Russia». (In Russ.).
- Russian Modernization: Conditions, Prerequisites, Chances*. (2009). Collection of articles and materials. Iss. 1. *Strategic Problems of Modernization*. Iss. 2. *Social Aspects of Modernization* — M.: Center for Post-Industrial Society Studies. (In Russ.).
- Sarazzin T. (2012). *Germany Self-liquidation*. — M.: Reed Group. (In Russ.).
- Schmitter Ph. (2013). Reflections on 'transitology' — Before and After // *Otechestvennyye zapiski*. No. 6. URL: https://www.strana-oz.ru/2013/6/razmyshleniya-o-tranzitologii-ranshe-i-teper#_ftn2 (access date: 24.03.2026). (In Russ.).

- Sharov V.A. (2009). *The Temptation of Revolution (Russian Supreme Power)*. — M.: Arsis Books. (In Russ.).
- Shusharin D. (2021). *Russian Totalitarianism. Liberty Here and Now* — M.: Izdatelskie Resheniya. (In Russ.).
- Transition Report (1994) / European Bank for Reconstruction and Development. October. URL: <https://www.ebrd.com/home/news-and-events/publications/economics/transition-reports.html#> (access date: 24.03.2026).
- Travin D. (2018). Why Are They Looking for the Special Way...that Doesn't Exist? // *The «Special Path» of the Country: Myths and Reality* / A.V. Obolonsky (Ed). — Moscow: Mysl'. Pp. 55–120. (In Russ.).
- Travin D.Ya. (2019). *The Steep Mountains of the XXI Century: Postmodernization and Russia's Problems*, — St. Petersburg: Press of the European University at St. Petersburg. (In Russ.).
- Travin D., Margania O. (2004). *European Modernization*: In 2 vol. Vol 1. — Moscow, St. Petersburg: AST, Terra Fantastica. (In Russ.).
- Vasil'tsov K.S. (2020). Dar al-Islam / Dar al-Harb: Categories of Space in Medieval Islam // *Islam Studies*. Vol. 11. No. 3. Pp. 69–80. DOI: 10.21779/2077-8155-2020-11-4-69-80 (In Russ.).
- Wolf M. (2023). *The Crisis of Democratic Capitalism*. — London: Allen Lane.
- Yakovlev A.A. (2021). Variety of Capitalism Concept: Application to Russia // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 4. Pp. 41–49. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_4_41_49 (In Russ.).
- Yanov A.L. (2017). *The Debate on «Eternal Autocracy»: From Ivan the Terrible to Putin*. — Moscow: Novy Khronograf. (In Russ.).
- Yanovskiy K., Zhavoronkov S. (2026). *Conservatism: Unlearned Lessons*. — M., Chelyabinsk. Socium. (In Russ.).
- Yasin E.G. *Russian Modernization. Reports from 10 Conferences*: In 2 books. — M.: HSE Publishing House
- Zaostrovtshev A.P. (2020). *The Modernization Debate: Common Road or Special Ways?* — St. Petersburg: Press of the European University at St. Petersburg. (In Russ.).
- Zaostrovtshev A.P. (2024). Welfare State: Generosity or Predatory? // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 4. Pp. 22–44. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_22_44 (In Russ.).

Заостровцев Андрей Павлович

ORCID: 0000-0003-0302-4182

zao-and@yandex.ru

Andrey Zaostrovtshev

PhD (economics), professor, National Research University — Higher School of Economics

ORCID: 0000-0003-0302-4182

zao-and@yandex.ru

THE COLLAPSE OF LIBERAL MODERNIZATION AND THE CHALLENGE OF «RUSSIAN MATRIX»

Abstract. This article examines the conceptual and factual failure of liberal modernization in the contemporary era. Transitology, so influential in the 1990s, has faded into oblivion. The Western model has failed to take hold in many post-socialist countries. In terms of democratization, the gap between Russia and the countries that adopted this model has become radical. At the same time, the West has begun to lose the qualities inherent in classical liberalism. They are being supplanted by new institutions designed to destroy the rule of law and, more broadly, its cultural identity. Against the backdrop of this decline, a new image of the system of traditional Russian fundamental institutions, known as the “Russian matrix,” has begun to emerge in the 21st century. Through these institutions, Russia, as a local form of global forced civilization, has challenged the latter’s alternative form—the legal one. At the core of this is the key component of this matrix, which defines its objective function: institutional expansionism. The other components of the messianic task are subordinated to its fulfillment: power-property and the rent-class social order. Long-term public opinion polls in Russia convincingly demonstrate that the legitimacy of the social system is high, since every attempt to practically fulfill this task through the conflict with Ukraine generates stable and long-term support in the form of recognition that the country is on the right path.

Keywords: liberal modernization, transitology, institutions, civilizations, the West, «Russian matrix», messianism, institutional expansionism, legitimacy.

JEL: N00, O10, O43.